

УДК 341.9

*Ибрагимов Намик Натикович,
Асафием Александр Михайлович,
Студенты, Института права УУНиТ, г. Уфа, Россия
Научный руководитель: Ларинбаева Ильмира Ишмурзовна,
Доцент кафедры теории государства и права
Института права УУНиТ
к.ю.н,
г. Уфа, Россия*

**КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ОБОРОТА
ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО
ПРАВА**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы определения применимого права к отношениям, возникающим при трансграничном обороте цифровых активов. Особое внимание уделяется тому, что цифровой актив не всегда можно связать с территорией одного государства, а классические коллизионные привязки не дают однозначного ответа при распределенном хранении данных, участии иностранных лиц и использовании цифровых платформ. Отдельно анализируется российское регулирование цифровых прав и цифровых финансовых активов, а также подходы международных документов и зарубежного регулирования. Автор приходит к выводу о необходимости осторожного развития специальных коллизионных норм, которые учитывали бы правовую природу цифрового актива, место нахождения оператора информационной системы, волю сторон и связь спорного отношения с конкретным правопорядком.

Ключевые слова: коллизионное право, международное частное право, цифровые активы, цифровые права, цифровые финансовые активы, применимое право, трансграничный оборот.

Abstract: *The article examines the problems of determining the applicable law to relations arising in the cross-border circulation of digital assets. Particular attention is paid to the fact that a digital asset cannot always be linked to the territory of a single state, while traditional conflict-of-law connecting factors do not provide an unambiguous answer in cases involving distributed data storage, the participation of foreign persons, and the use of digital platforms. The article separately analyzes Russian regulation of digital rights and digital financial assets, as well as approaches reflected in international documents and foreign legislation. The author concludes that it is necessary to develop special conflict-of-law rules cautiously, taking into account the legal nature of the digital asset, the location of the operator of the information system, the will of the parties, and the connection of the disputed relationship with a particular legal order.*

Keywords: *conflict of laws, private international law, digital assets, digital rights, digital financial assets, applicable law, cross-border circulation.*

Трансграничный оборот цифровых активов создает для коллизионного права достаточно неудобную ситуацию. Объект имеет экономическую ценность, участвует в гражданском обороте, может передаваться между лицами из разных государств, но при этом не имеет обычного места нахождения. Для классического частного права это непривычно. Вещь можно связать с территорией. Юридическое лицо можно связать с государством регистрации. Договор можно связать с местом исполнения или правом, выбранным сторонами. Цифровой актив часто существует только как запись в информационной системе, а сама система может быть распределена между разными юрисдикциями.

Российское законодательство уже признает цифровые права как самостоятельный объект гражданских прав. В статье 141.1 ГК РФ закреплено, что цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, названные в таком качестве в законе, если их содержание и условия осуществления определяются правилами информационной системы. Распоряжение такими правами возможно только внутри этой системы [1]. Правовая конструкция здесь важна не только для гражданского права. Она сразу выводит на коллизионный вопрос. Если право существует и передается через информационную систему, то выбор применимого права нельзя строить только на месте нахождения стороны или на территории совершения сделки.

Федеральный закон о цифровых финансовых активах уточняет специальный режим отдельных цифровых прав. Цифровые финансовые активы могут выражать денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Цифровая валюта при этом выделена отдельно и не совпадает с цифровыми финансовыми активами [2]. На деле это означает, что само выражение «цифровой актив» не может использоваться как единая юридическая категория для всех случаев. Для коллизионного регулирования это особенно важно. Применимое право зависит от того, что именно находится в обороте: цифровое право, цифровой финансовый актив, цифровая валюта или иной токен, связанный с имущественным интересом.

Квалификация цифрового актива становится первым сложным этапом. Если актив выражает требование к должнику, спор ближе к обязательственным отношениям. Если он связан с участием в капитале, значение получает право юридического лица. Если спор касается перехода актива от одного лица к другому, возникает вопрос о принадлежности права и его противопоставимости третьим лицам. В обычном обороте суд мог бы опереться на вещный статут или договорный статут. В цифровой среде такая

схема работает не всегда. Запись в системе может подтверждать контроль над активом, но сама по себе она не всегда отвечает на вопрос, законно ли лицо приобрело соответствующее право.

М.Ю. Кузьменков справедливо связывает коллизионные трудности цифровых прав с тем, что их оборот зависит от правил информационной системы, а не только от соглашения сторон [3, с. 154]. Эта мысль выглядит практичной. Применимое право нельзя выбирать так, будто цифровой актив существует отдельно от системы учета. Правила платформы определяют порядок выпуска актива, его переход, фиксацию правообладателя, блокировку операций и иногда порядок разрешения спора. Участники могут находиться в разных странах, но юридически значимое действие будет совершаться через одну цифровую инфраструктуру.

Переход цифрового актива затрагивает не только продавца и покупателя. Спор может возникнуть с прежним правообладателем, кредитором, наследником, оператором платформы или лицом, которое получило доступ к активу незаконно. В такой ситуации выбор права в договоре между двумя сторонами не должен автоматически определять правовое положение третьих лиц. Иначе участники сделки смогли бы своим соглашением изменить режим принадлежности актива для лиц, которые в этом соглашении не участвовали. Для коллизионного права это слишком рискованно.

Право информационной системы выглядит более убедительной привязкой для вопросов возникновения, учета и прекращения цифрового права. Если цифровой актив существует только в определенной системе, то правопорядок этой системы должен иметь значение. В российской модели цифровых финансовых активов роль оператора особенно заметна. Именно оператор обеспечивает выпуск, учет и совершение сделок внутри информационной системы. Когда оператор зарегистрирован в конкретном

государстве и действует по правилам этого государства, связь с соответствующим правом становится достаточно понятной.

Децентрализованные цифровые активы осложняют эту модель. У цифровой валюты может не быть оператора, единого реестра в обычном смысле и лица, которое отвечает за ведение системы. Т.В. Дерюгина отмечает, что цифровая валюта не укладывается полностью в категории информации, безналичных денег или цифрового права [4, с. 276]. Из этого следует прямой коллизионный вывод. Пока материальное право не дает устойчивой квалификации объекта, коллизионная норма тоже не может работать механически. Нельзя уверенно применить вещную привязку к объекту, который не признан вещью. Нельзя применить обязательственный статут к активу, который не выражает требования к конкретному должнику.

Международные подходы постепенно уходят от попытки просто подвести цифровые активы под старые категории. Принципы УНИДРУА о цифровых активах и частном праве исходят из того, что цифровой актив может быть предметом частноправовых отношений, а контроль над ним имеет самостоятельное правовое значение [5, с. 23]. Для коллизионного права это важный ориентир. Контроль не заменяет право собственности и не отменяет титул, но показывает фактическую возможность распоряжения активом. В цифровом обороте именно контроль часто становится первым видимым признаком принадлежности актива, хотя суд все равно должен проверить правовое основание его получения.

Европейское регулирование также показывает смещение внимания к инфраструктуре оборота. Регламент Европейского союза 2023/1114 о рынках криптоактивов устанавливает требования к выпуску криптоактивов и деятельности поставщиков услуг в этой сфере [6, с. 1]. Этот акт не является коллизионным законом, но его подход показателен. Правовое значение получает не только сам актив, но и лицо, которое организует доступ к рынку, хранит активы клиентов, исполняет распоряжения и обеспечивает торговую

площадку. Для российского коллизионного права этот опыт полезен, потому что спор о цифровом активе почти всегда связан с цифровой инфраструктурой.

Цифровые платформы усиливают зависимость оборота от частных правил. М.В. Мажорина пишет, что платформы меняют привычное пространство трансграничного взаимодействия и ставят перед международным частным правом новые вопросы [7, с. 109]. В спорах о цифровых активах это проявляется особенно ясно. Пользователь может считать, что он заключил обычную сделку, но фактически его правовое положение определяется правилами платформы. Они устанавливают порядок доступа, идентификации, учета, перевода актива и блокировки операций. Иногда именно правила платформы оказываются для участника важнее текста договора.

Смарт-контракты добавляют к этой проблеме автоматическое исполнение. Сделка может быть исполнена программным кодом без отдельного волеизъявления после наступления заранее заданного условия. А.В. Губарева, К.Е. Коваленко и Н.Е. Коваленко связывают выбор применимого права к смарт-контрактам с квалификацией отношений, которые такой механизм обслуживает [8, с. 45]. Это верно и для цифровых активов. Автоматический перевод актива не снимает вопросов о действительности сделки, полномочиях отчуждателя, добросовестности приобретателя и последствиях неправомерного доступа. Код исполняет действие, но право оценивает его последствия.

Российскому коллизионному регулированию нужна не новая изолированная система, а точное дополнение действующих правил. Договорные отношения по поводу цифровых активов могут регулироваться правом, выбранным сторонами. При отсутствии выбора должен работать критерий наиболее тесной связи. Вопросы возникновения, учета, перехода и прекращения цифрового права разумно связывать с правом информационной системы, если такая система имеет определенного оператора или подчиняется

конкретному правопорядку. Для децентрализованных активов придется использовать более гибкую оценку связи спора с государством, где находятся стороны, осуществляется деятельность платформы или проявляются основные правовые последствия.

Автономия воли сторон не должна подменять режим самого актива. Она хорошо подходит для договора, но хуже подходит для определения прав третьих лиц. Право информационной системы тоже не является универсальным решением. Оно удобно, когда система централизована и имеет оператора. При распределенном реестре такая привязка становится слабее. Поэтому наиболее рабочей выглядит смешанная модель. Договор регулируется выбранным сторонами правом, а принадлежность цифрового актива и последствия записи в системе определяются правом той цифровой инфраструктуры, которая обеспечивает его существование. Если такой правопорядок невозможно определить, применяется право наиболее тесной связи.

Трансграничный оборот цифровых активов показывает, что классические коллизионные нормы сохраняют значение, но требуют осторожной адаптации. Цифровой актив нельзя всегда приравнивать к вещи, требованию или ценной бумаге. Его правовой режим зависит от того, какое имущественное право он выражает, в какой системе учитывается и кто обеспечивает его обращение. Применимое право должно определяться не по одному формальному признаку, а через связь спорного отношения с цифровой системой, сторонами и государством, где проявляются правовые последствия. Такая модель не делает регулирование идеальным, но дает суду более понятный путь. Для цифрового оборота это уже немало.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-

портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2026).

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2026).

3. Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 152–159.

4. Дерюгина Т.В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 274–288.

5. Принципы УНИДРУА о цифровых активах и частном праве. Рим: Международный институт унификации частного права, 2023. 143 с.

6. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2023/1114 от 31 мая 2023 г. «О рынках криптоактивов» // Официальный журнал Европейского союза. 2023. L 150. С. 40–45.

7. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107–120.

8. Губарева А.В., Коваленко К.Е., Коваленко Н.Е. Проблемы выбора применимого права к смарт-контрактам в международном частном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 4. С. 44–48.